

**Локальный стиль воронежско-липецкого пограничья
(к вопросу о выделении локальных песенных стилей в областях Черноземья)**

Проект «Южнорусская научная музыкально-этнографическая экспедиция» 2000 года, поддержанный Российским научным гуманитарным фондом (00-04-18033-е) и выполненный силами преподавателей и студентов кафедры музыкальной фольклористики Воронежской государственной академии искусств, был посвящен актуальной проблеме современной фольклористики – выявлению локальных певческих стилей в южнорусской традиции. Решение этой проблемы требует системного подхода к изучению народных традиций, синхронного и диахронного сопоставления накопленных в фольклористике наблюдений, фактов, сведений – то есть, прежде всего, огромного фактологического материала – исторического, этнографического, музыкального, которого в публикациях крайне мало или нет вообще. Большинство архивов, работающих над этой проблемой, являются закрытыми, а их материалы не изданы. Музыкальная фольклористика не намного сдвинулась вперед с 1982 года, когда Е.В. Гиппиус с сожалением написал: *«...безотносительно к областному административному делению исторически сложившиеся границы местных песенных традиций коренного русского населения до сих пор не установлены даже в той форме, в которой это было сделано еще в предреволюционные годы диалектологами в картографировании восточнославянских говоров»*¹.

Актуальность проекта обостряется многократно, если учесть, что народные традиции – по крайней мере, музыкальные диалекты – стремительно разрушаются, или уже находятся в стадии почти полного угасания. В связи с этим возрастает важность активной собирательской экспедиционной работы.

В настоящее время в музыкальной фольклористике определения «региональный», «локальный», «ареальный», «узколокальный», «местный», «очаговый» каждым исследователем трактуются неоднозначно, поэтому оговорим те значения, которые мы придаем этим определениям.

Термин «южнорусская песенная традиция» трактуется нами как определение региональной традиции, охватывающей несколько областей к югу от Москвы, начиная с южных районов Рязанской области. Ядро этой традиции – центрально-черноземные области. Эта традиция объединяется субэтническими признаками, проявляющимися в акающих говорах, экспрессивном стереотипе поведения, типе жилища, системе традиционных праздников, общности жанровой системы фольклора, яркой подачи голоса при пении. Как региональный тип южнорусская песенная традиция выделена и описана только в XX веке в известном исследовании В.М. Щурова². В XIX веке южнорусскими называли песни украинских переселенцев на юге России³.

В то же время понятие «регион» или определение «региональный» может быть использовано для выделения любой достаточно большой территории, произвольно очерченной исследователем в зависимости от поставленной исследовательской задачи и имеющегося конкретного материала. В этом смысле «региональный» и наше определение «локальный» – близки⁴.

К локальным песенным стилям мы относим традицию, охватывающую несколько районов одной области или на границе двух-трех областей. Признаками локальной традиции могут служить общность в особенностях говора, диалектного словаря, традиционного костюма, обрядового поведения, свадебного сценария, а так же номенклатура жанров и сюжетов, общие напевы.

Исследования в этом направлении могут выявить первичную классификацию песенных традиций, основанную на полевых наблюдениях. Именно эта классификация может послужить основой для ареальных исследований, которые Е.В. Гиппиус считал наиболее глубинной формой региональных исследований⁵.

Ареальные исследования предусматривают картографирование типов напевов и других важнейших элементов музыкального диалекта. Этой проблемой занимается в настоящее время О.А. Пашина на западнорусском и белорусском материале. *«При ареальном исследовании музыкально-фольклорных текстов за основную единицу картографирования принимаются структурные типы (ритмические, мелодические), каждый из которых является многоуровневой, иерархически организованной моделью, служащей для описания корпуса типологически родственных напевов. ...Вместе с тем картографирование функциональной нагрузки напевов, принадлежащих к одному ритмическому или мелодическому типу, также обязательно, поскольку существующее в музыкально-фольклорной системе достаточно подвижное соотношение структуры и функции выступает одним из элементов диалектного языка»*⁶.

Определение «узколокальная певческая традиция» или «местная» относится к традиции одного села или нескольких близкорасположенных сел, деревень, которые поют один репертуар. Как правило, эти села в период освоения новых земель, активного формирования традиции относились к одному церковному приходу, а жители относились к одному сословию.

Очаговая песенная традиция характеризует, в основном, переселенческие села, в которых местный стиль пения обособляется от соседних сел ярко самобытными чертами, не характерными для региона в целом.

Работа по выявлению локальных певческих стилей в южнорусской традиции во ВГАИ была начата в 1997 году (поддержка РГНФ, проект № 97-04-18030е). Результаты ее были изложены руководителем проекта Г. Сысоевой на научно-практической конференции в Курске и опубликованы⁷. Были выделены по музыкально-этнографическому комплексу в традиционной культуре следующие локальные песенные традиции на территории Воронежской области: центрально-воронежский стиль, воронежско-белгородское пограничье, воронежско-курское пограничье, а так же очаговые традиции: пчелиновская и мамонская. В этой же статье были изложены принципы и критерии выделения локального песенного стиля.

Основой проекта 2000 года стала имеющаяся гипотеза о существовании локальных песенных стилей в областях Черноземья, условно называемых: приоскольская (в Белгородской области), воронежско-липецкое пограничье. С целью установления границ этих стилей, ядра и периферии полевые работы проводились в 3-х районах Белгородской области⁸, 3-х районах Воронежской области⁹, 2-х районах Липецкой области¹⁰. Было продолжено музыкально-этнографическое обследование южных районов Курской области¹¹, начаты работы в Рыльском районе¹². Продолжались работы в воронежско-ростовском пограничье¹³. Всего состоялось 12 выездов небольшими группами по 3-4 человека.

Основные трудности собирательской работы связаны с повсеместным угасанием или угнетением традиционной культуры и вытеснением ее из быта новыми культурными приоритетами и ценностями в глазах сельской общины. Из множества разрушающих факторов, объективных и субъективных, наиболее «опасными» для жизни певческой традиции следует назвать следующие.

1. Разрушение коллективной памяти. Общинное самоуправление дореволюционного времени и даже советский коллективизм в значительной степени способствовали ее достаточно высокой аккумулирующей активности. Несмотря на то, что каждое поколение собирателей-фольклористов сетует о том, что старинные песни умирают, никогда положение в этой области не было таким катастрофическим. Нередко в селе приходится записывать песни не от ансамбля, а от единичных

- исполнителей. Сейчас практически единственной формой, способной активизировать коллективное народное творчество, является клубная работа.
2. Исчезновение коллективных форм труда и коллективных форм досуга. Традиционное досуговое общение сменилось семейным просмотром телевизора. К сожалению, нельзя не говорить о разрушающей силе и чудовищном размахе в селе пьянства - этого общерусского недуга.
 3. Активная миграция населения. Практически во всех селах всех областей наблюдается одна и та же картина: молодежь уезжает, оставляя в селе престарелых стариков. Заколоченные дома продаются, как правило, дачникам или вынужденным переселенцам, нередко – иноэтническим, туркам-месхетинцам, например. Таким образом, традиции некому передать и некому подхватить.

Поэтому собранный материал нередко представляется фрагментами некогда действительно массовой всенародной культуры. С другой стороны, смена жанров фольклора – это процесс закономерный, и интенсивность его зависит от социально-экономических факторов. Еще Тюрин А.Ф. в рецензии на публикацию 4-х тетрадей «Собрание русских народных песен» М. Стаховича в 1855 году писал: *«Нет сомнения, множество народных песен предается вечному забвению и заменяется другими, которые, в свою очередь ожидают той же участи»*¹⁴.

И все же материалы экспедиции 2000 года внушительны и представляют значительный интерес для науки и для культуры в целом, и ценность его будет возрастать с годами. Записано около 180 аудиокассет, сняты видеофильмы, сделаны фотографии, описаны многие обряды и обычаи.

В целом, экспедиция подтвердила правильность имеющейся гипотезы о существовании локальных стилей в южнорусской традиции.

Общая характеристика песенного стиля воронежско-липецкого пограничья.

География. Исторические, социально-экономические факторы формирования традиции. Территориально этот стиль охватывает северо-западные районы Воронежской области Семилукский, Рамонский, частично – Эртильский, предположительно и Новоусманский районы; в Липецкой области это - Тербунский, Воловский, Долгоруковский, Хлевенский, предположительно – Усманский районы.

Заселение этих территорий происходило в несколько этапов. Воронежские археологи доказали существование на территории Семилукского и Рамонского районов древнерусских укрепленных поселений, которые были разорены монголо-татарами¹⁵. Именно здесь возродились поселения во время вторичной колонизации края, некоторые из них упоминаются в Дозорной книге 1615 года. Существует гипотеза, что культурные традиции окраинных древнерусских городков не прерывались окончательно и были восприняты новыми поселенцами¹⁶. Она основывается на археологических исследованиях Воронежского государственного университета, которые доказывают существование древнерусских поселений в XIII-XIV веках даже в Среднем Подонье¹⁷. Доказательством могут быть архаичные элементы некоторых календарных и свадебных обычаев, не фиксирующиеся в других локальных зонах. Например, в Рамонском районе повсеместно распространен обряд рождественского обхода пастухом всех дворов, где держат скот. За ночь пастух должен был обойти всех, при этом он сыпал зерном с приговорами явно магического характера: *«Ягнятки гладки, сигают по лавки, хвосты по пятки. Пришел пастушок – брось пирожок»*, *«На триста овец, на двести коров»*. Здесь же широко распространен обычай *похорон* или *проводов русалки* на ржаном поле (в следующее воскресенье после Троицы), которую представляли в виде травяной или соломенной куклы.

Следующий этап массовых переселений связан со строительством укрепленной пограничной заставы, так называемой Белгородской засечной черты, строительство

которой завершилось в 1658 году. Сюда на воинскую службу были переведены жители из центральной России. В начале XVIII века в связи с расширением границ государства и утратой значения Белгородской засечной черты как пограничной оборонительной линии, служилые люди вскоре превратились в крестьян – однодворцев и составили большинство населения края. Некоторые села возникли в результате насильственного переселения помещичьих крестьян из северных районов Рязанской области, которых за цокающий говор называли *цуканами*.

До настоящего времени сохранилось разделение сел на *однодворческие* и *цуканские*. Коренные жители старшего поколения однодворческих сел указывают, что *цуканы* были крепостными крестьянами, отличались и говором, и обычаями, то есть осознают свою этнографическую обособленность.

Этнографическая группа - гамаи. Во время экспедиционного обследования впервые была выявлена по этнографическим признакам и описана новая этнографическая группа – *гамаи*. Локализуется она в Семилукском районе и охватывает компактно расположенные села Старая Ведуга, Старая Ольшанка, Каменка, Поляна, Долгомоховатка, Новосильское.

Гамаи (иногда- *гаманы*, здесь- редко, чаще в Рамонском районе) получили прозвище, видимо, от своего диалектного слова *гаманить* (говорить). *Гамаи* противопоставляются *цуканам* по говору. Анализ первичных наблюдений и записей показывает, что словарь диалектных слов у *цуканов* и *гамаёв* общий (за исключением немногих слов, например, *гамаи* говорят: *закрищала, загаласила*, а *цуканы* - *ревёт*, у *гамаёв* - *хутар*, у *цуканов* - *диревня*). Наиболее существенные отличия в фонетике: у *гамаев* звук "о" даже под ударением осветляется: *ноаж* (а не *нож*), *карова* (а не *корова*). Окончания "-ая" в словах прилагательных заменяются на "-ья": *"щастливья доая, красныя деавка*. Если в разговорной речи это наблюдается не у всех носителей языка, то в песенных текстах с большими распевами это проявляется очень ярко.

Цуканский говор - на слух более правильный, приближен к городскому. Здесь говорят: *няльзя* (*гамаи: няльзя*), *чиво* (*гамаи чаво*), отчетливо произносят звук «ц»: *цветы* (*гамаи: твьяты*). В *цуканском* говоре в прилагательных окончание "-ое" заменяется на "аи": *"халищёваи нарушники", "наряжёнани усе люди"*.

Кроме того, *цуканы* - это и социально обусловленная группа, поскольку они были, в основном, крепостными крестьянами. Мы много раз встречали объяснение местных жителей: *"цуканы" - это крепостные*, *"цуканы" - это потомки бывших крепостных крестьян*". С другой стороны, в *цуканских* селах *гамаёв* называют однодворцами. Таким образом, слова-обозначения *гамаи* и *однодворцы*, *цуканы* и *крепостные* нередко синонимически заменяются: *"Цуканы жили в Иванавки, а в Галасновки - аднадворцы"*¹⁸. В селе *Долгомоховатка* сообщили, что, что *«гамаи были низакрепленныя за барином, а цуканы – барские крестьяне... гамаи насили широкаю юпку, а цуканы – платья гаратские»*¹⁹.

Браки между однодворцами–*гамаями* и *цуканами* в старину не допускались. Обособление двух этнографических групп исчезает в советский период. Особенно в период коллективизации, когда хутора объединялись в одном колхозе. Об этом пелось в частушках:

*Падрушка мая, серса ни на меастя -
Цуканы и гамаи смешались умеастя*²⁰.

*Цуканы и гамаи - какая различка,
Што цукан, што гамай - чистая яичка* (то есть очень похожи)²¹.

Следует заметить, что самоназвание и самообособление по диалектным признакам в настоящее время у людей среднего и младшего возраста отсутствует и возникает как

«москали» только в противопоставлении с выходцами с Украины, так называемыми «хохлами».

Этнография. Традиционный костюм. Для воронежско-липецкого пограничья существенным признаком традиции является отсутствие у женщин поневного комплекса одежды, здесь рапространился комплекс с юбкой.

В однодворческих селах носили суконную полосатую юбку из красных, белых, синих, зеленых полос. В Семилукском и Рамонском районе ткали полосы со смещением, потому такой узор называли – «челноками». Во многих селах информаторы указывают, что носили юбки разных цветов из покупных тканей, видимо, закрепившихся в традиции еще в XIX веке. Их называли *шалоновыми*.

В *цуканских* селах полосатая юбка отличалась преобладанием красного цвета, или расположением полос. Так, например, в Тербунском районе Липецкой области (Набоково, Малые Борки) носили юбки с поперечными полосами.

Рубахи – женские и мужские – шили из домашнего конопляного холста. Женская однодворческая рубаша украшалась небольшой вышивкой на поликах (в основном, цветочным орнаментом), цуканская – была на кокетке и с кружевными оборками на рукавах. Рубахи подпоясывались широким кушаком, подвязывали короткий – от талии-фартук с вышивкой и кружевами. Гамаи вместо фартука подвязывали в праздник вышитые рушники – *утирки*.

Головной убор однодворцев – *кокошник* в форме высокой шапочки из позумента, украшенный блестками и бисером на затылке. *Кокошник* надевали невесте во время свадебного *повивания*. *Цуканы* носили шлычкообразную *сорочку* красного или черного цвета (Тербунский район). Широко распространены были платки и шали.

В XX веке традиционная дмотканная одежда стремительно вытесняется городской модой и распространением покупных тканей.

Тип свадебного обряда. В районах, которые относятся к *воронежско-липецкому пограничью*, сложился свой особый сценарий свадьбы, отличающийся от обрядов воронежско-белгородского, Приоскольского и Курского Попселья. Он описан и отнесен К.В. Чистовым к первому подтипу восточнославянских обрядов свадебного дня, которые в целом характеризуются как «*вирилокальные, т.е. сосредоточенные на территории будущего мужа, сложившиеся на почве вирилокального брака и развитого патриархального и семейного уклада и вместе с тем содержащие определенные пережитки уксорилокальности обряда и временной уксорилокальности брака, т.е. на территории будущей жены*»²².

Первый подтип обрядов – украинско-белорусско-южнорусский ритуал – характеризуется двухэтапностью передвижений партий жениха и невесты в свадебный день. Основные обряды санкционирующего характера совершаются в доме невесты после венчания, и только после этого невеста окончательно переезжала в дом жениха. К обрядам санкционирующего характера К.В. Чистов относит посад молодых, ритуальное чесание волос, окручивание молодой, их первую совместную трапезу, приготовление каравая и его деление.

Второй подтип – северно- и среднерусский ритуал – это одноэтапная или «круговая» свадьба, при которой в после приезда партии жениха за невестой перед венчанием она окончательно покидала родительский дом, а все санкционирующие обряды совершались в доме жениха. К.В. Чистов считает этот подтип более поздним вариантом вирилокального обряда, который «*не успел равномерно распространиться на всей этнической территории русских (в том числе и на южнорусскую зону)*»²³. Из работы неясно, в каких границах бытуют эти два подтипа обряда. Картографирование этнографических сведений по признакам подтипов свадебного ритуала в науке не предпринималось.

Экспедиционные наблюдения 2000 года, а так же записи прошлых лет позволяют выделить зону распространения первого подтипа: это обозначенные нами районы

воронежско-липецкого пограничья. Здесь повсеместно обряды первого свадебного дня сосредоточены в доме невесты, а на второй день гости гуляют в доме жениха.

В целом, основные предсвадебные действия и их названия совпадают с другими локальными зонами Воронежской и Белгородской областей.

- *Сватовство* - предварительное и заключительное – *богомолье*. Чаше сватовство – одноэтапное, если брачный выбор делали сами молодые, в с. Солдатское Тербунского района называли: *честь наложит*); обычно уже на сватовстве делали *своды* невесты и жениха, спрашивали их согласия на брак.
- *Дворогляденье*, называемое: *двора глядеть* (Рамонский район), *кочережку глядеть* (у *гамаев* в Семилукском районе), *колышки глядеть* (в Тербунском районе).
- *Сговор* (*договор* - в Тербунском районе), на котором близкие родственники оговаривали все расходы и сроки свадьбы.
- *Пропой*, иногда совмещенный со *сватовством* или *сговором*.
- *Девичник* – вечер накануне свадьбы в доме невесты, на который она собирала подруг для прощания; в этот день родственники жениха приносят девкам *свадебный калач*.
- *Первый свадебный день* – наиболее насыщен обрядовыми действиями, это - обряжение и посад невесты у края стола, но чаще – на печи, приезд женихова поезда, выкуп приданного и самой невесты, которую часто прятали, благословение невесты, короткий стол, за который сажали только женихову родню, отъезд на венчание невесты и жениха в разных повозках. После венчания – возвращение в дом невесты, где их встречала мать с *пирогом*, выкуп стола, за которым девки *терли табак*, надевание *кокошника* (*повивание*) молодой, *посад* молодых на *печь*, куда им подавали еду, свадебное застолье для обеих партий (*княжной стол* - в Тербунском районе), величание (*обыгрывание*) молодых и гостей. Обязательно на стол ставили *зуб* - фаршированную свиную голову, украшенную лентами, серьгами в знак будущего достатка и плодовитости. Вечером невесту увозили в дом жениха, где их торжественно препровождали в *клеть* на брачное ложе, куда перед их приходом укладывали ладно живущих между собой супругов, молодым связывали ноги.
- *Второй день свадьбы* - в доме жениха, назывался *жирный* – у *гамаев*, *пацаловки* – в Тербунской районе, *каравайный ужин* – в Рамонском районе, *похмелки* - если это был заключительный день свадьбы. Обязательны: битье горшков у дверей молодых, приход ряженных родственников невесты в дом жениха, которые *искали пропажу* – невесту, после чего они возвращались в дом невесты и дожидались, когда за ними приедут *позывальщики* к свадебному застолью. Обычно в этот день проходили *дары*, молодых величали и *ставили под красное* (у *гамаев*). Фиксируются единичные случаи проверки рубахи у молодой.
- *Похмелки* – заключительный третий день свадьбы, если свадьба справлялась по полному чину, обычно в этот день поочередно гуляли в обоих домах.
- *Обнедельки* – заключительное застолье в доме невесты, где молодых принимали уже как супругов.

Таким образом, к пережитками уксорилокальности, которую К.В. Чистов считает более древним типом свадьбы и проявлением в ней влияния кавказско-среднеазиатской свадьбы, можно отнести обряды первого дня: гуляние всех гостей в доме невесты, посад молодых (на печь, символизирующую своеобразный древний домашний алтарь)), повивание (хотя оно здесь выражено слабо, нередко проходило в церковной калаурке и публично не обыгрывалось), деление свадебного каравая (его разламывают над головами молодых и затем раздают всем), общинное благословение в форме величальных песен на совместном застолье. Пережитки временной уксорилокальности брака зафиксированы в селе Синдякино Хлевенского района Липецкой области, информатор указывает, что первую брачную ночь молодые проводили на территории невесты – в сарае²⁴.

Итак, яркой чертой локального стиля традиции следует считать 1 подтип вирилокальных свадебных обрядов первого дня.

Календарные обряды. Календарная обрядность как целостная система обрядов, сохраняющих свои магические функции, в значительной степени разрушена в настоящее время. Она представляет собой набор фрагментов, по которым, однако, можно судить о ее действенной силе в недавнем прошлом. Об этом свидетельствуют сообщения информаторов преклонного возраста. Сообщим лишь календарные обычаи, типичные только для этого стиля.

Зимние святки сохранили наибольшую обрядовую активность в дни Рождества с традиционным *колядованием* детей и взрослых, ряжением в животных или просто в «чужих» людей (цыган, старух, дедов), приготовлением рождественской *кутьи* из немолотых зерен, гаданий. Отличительным признаком традиции является *рождественский обход пастухами* всех дворов, где держат скот с магическими приговорами. Этот обычай фиксируется в Рамонском районе Воронежской области.

Активность *закликания* весны возрастает в Липецкой области, особенно Тербунском районе, хотя встречаются единичные упоминания об этом и в других районах.

Исключительно важное значение для всей обозначенной территории приобретает разделение девичьей и женской (*бабьей*) весенней обрядовой трапезы – яичницы. Сход и совместное гуляние девушек и женщин (то есть как бы избранных природой по половозрастному признаку) происходит обычно в лесу или саду, в уединении и связывается с календарем, поскольку привязывается к двум периодам весны. Первую *девичью яичницу* устраивают на *Красную горку*. Это конец ранней весны, время перед появлением первых всходов. На этот день повсеместно информаторы указывают как на *девичий праздник*. Они так же, как крестьянское поле, готовы к тому, чтобы вступить в брак, родить. На вторую, *бабью яичницу* собираются женщины уже после появления первых всходов – в третье воскресенье после Пасхи, на религиозный праздник *жен-мироносиц*, и это так же символизирует родство возраста природы и человека.

Еще одна яркая особенность календаря – это обряд *проводов* или *похорон русалки*, который проводится в следующее воскресенье за Троицей. Ход обряда подробно описан Н.П. Гринковой в 1947 году²⁵. Нам остается лишь отметить, что он достаточно широко был распространен, поскольку информация о нем фиксируется в Рамонском районе практически повсеместно, а следы его есть и в соседних районах.

В Семилукском и Тербунском районах (в остальных – следы) сохранились воспоминания о другом «*проводном*» обряде – похоронах мушек-блошек на Семенов-день (14 сентября по новому стилю). Символика этой детской забавы, в которую превратился в обряд, типична для проводных обрядов – это обозначение границы нового периода календаря, в данном случае – осеннего.

Как и везде на юге, особой праздничностью отмечен праздник Троицы. В народном сознании праздники Ивана Купала и Петров день практически не связываются с сельскохозяйственными обычаями, поэтому не имеют обрядности.

Жанровый состав фольклора. В целом, система песенных жанров сегодня ориентирована на позднетрадиционную лирику как доминирующий жанр. Наблюдения и экспедиционный опыт показывает, что этот жанр во всех его конкретных сюжетах и формах объединяет не один, а несколько локальных песенных стилей, как бы накрывая огромные территории, достаточно обособляющиеся внутри на раннетрадиционном и традиционном фольклорном материале. Поэтому особое внимание уделялось поискам образцов обрядовых песен, протяжных, хороводных.

Календарных песен, к сожалению, выявлено крайне мало. В основном, это – колядки, которые в большинстве случаев утратили напев и практически превратились в фрагменты приговоров. В Семилукском районе у *гамаев* записаны варианты календарного (постового) напева, закрепленного за двумя текстами лирического содержания. Первый текст о любви, зачин рисует типичную для весенних песен фольклорную картину мира: «*Трава моя, травушка, зеленый лужок, зеленый лужок* –

крутой бережок». Второй текст широко распространен и в воронежско-белгородском пограничье, типичный зачин «*Соловей с кукушечкой сговаривался, полетим, кукушечка, во мой зелен сад*» имеет различное продолжение сюжета: текст о любви и текст о рекрутском наборе. Обычно, первый бывает приурочен к свадьбе (Острогожский район Воронежской области), второй – как постовой (Алексеевский район Белгородской области). С календарем связан этот сюжет сезонной приуроченностью: исполняясь ранней весной, он как бы призывал кукушку и соловья, которые, как известно, прилетают поздней весной и поют лишь до наступления лета. Именно этот постовой напев наряду с другими факторами позволил точнее определить границы расселения *гамаев*. В трансформированном виде с другим зачином («*Шла, шла девушка*») эта песня встречается в Тербунском районе.

Из других песен календарной приуроченности чаще всего встречается троицкая «*Веселая беседушка*».

Пласт традиционных свадебных песен так же оказался слишком «тонким». Но даже по этим немногочисленным записям можно сделать вывод, что из свадебных жанров не получили распространения так называемые *прощальные песни невесты*, мало собственно *обрядовых песен*²⁶. Повсеместно фиксируется лишь одна песня с точечной прикрепленностью сюжета: «*Соезжала Татьянушка со двора*». Наибольшее число песен, прирепленных к определенным моментам обряда, записано у *гамаев* в Семилукском районе. Среди них: «*Как у наших у воротах рябина стояла*», «*Покупайся, моя утушка, покупайся*» (на девичнике), «*Бей сундук, колоти сундук*» (при выкупе сундука). Много схожих песен записано в Тербунском районе. Самый распространенный свадебный жанр в воронежско-семилукском пограничье – это величальные песни. Из них некоторые фиксируются достаточно часто: «*Виноград в саду растет*», «*На ком кудрюшки*», «*Уж ты, яблонька*», «*У голубя золотая голова*».

Записи хороводных песен единичны и имеют широко распространенную форму, известную как «*У нас по морю*», как правило, они не осознаются исполнителями как хороводные, поскольку не имеют и, видимо, не имели хореографии, не было даже традиции кругового медленного хождения. Совершенно не фиксируются карагодные песни с алилешным припевом, как в воронежско-белгородском пограничье.

Протяжная песня в широкораспевной форме, видимо, здесь и не сложилась, поскольку не встречаются даже упоминания о таких песнях. Имеются единичные записи малораспевных протяжных песен. В Семилукском и Тербунском районах записана воинская песня «*Ехал казак по дороженьке*», в Тербунском – «*Ой, да ты отстань, грусть-тоска*», «*У нас под лесом, под лесочком*».

Такое стремительное угасание песенной традиции можно объяснить все возрастающей ролью жанра частушки, которая в некоторых районах Липецкой и Воронежской областей полностью вытеснила песенные жанры, зато внутри частушечной традиции выделилось множество форм, которые отличаются друг от друга лирическим музыкальным образом и создают свою систему внутрижанровых разновидностей.

Итак, суммируя все экспедиционные наблюдения, можно кратко перечислить основные наиболее характерные «приметы» песенного стиля воронежско-липецкого пограничья: комплекс женского традиционного костюма с полосатой юбкой и кокошником,²⁷ общий тип/подтип свадьбы (1 день – у невесты), широкое распространение отдельной *девичьей и бабьей яичницы* как весеннего обряда, соотношение жанров в системе фольклора с доминирующей ролью частушек и страданий, отсутствие широкораспевных протяжных песен, плясовых песен с *алилешным* припевом.

Следует помнить о том, что небольшая часть Семилукского района – бывший Землянский уезд обладает смешанными стилевыми признаками и в большей степени относится к другому локальному стилю – воронежско-курскому пограничью, который узким «языком» вклинивается в Семилукский район.

-
- ¹ Гиппиус Е.В. Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья //Традиционное народное музыкальное искусство и современность (вопросы типологии). – М., 1982., с. 5.
- ² Щуров В.М. Южнорусская песенная традиция. – М.:
- ³ А.Н. Серов. Музыка южнорусских песен // Избранные статьи: В 2-х т. – М.-Л., 1950, т.1, с. 113-114.
- ⁴ Существует и понятие «областные певческие стили» - кстати, так называется даже учебный курс во многих музыкальных училищах
- ⁵ Гиппиус Е.В. Проблемы ареального исследования.... с.5.
- ⁶ Пашина О.А. Ареальный аспект соотношения функции и структуры музыкально-фольклорных текстов // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. – М.: Индрик, 1999. С. 331.
- ⁷ Сысоева Г. Локальные стили в южнорусской традиции // Духовное наследие русской национальной культуры. Тезисы и доклады II региональной научно-практической конференции. – Курск, 1998. С. 8-13.
- ⁸ Волоконовский район – 5 сел, все – русские, первично; Валуйский р-н – 9 сел, все – русские, первично; Вейделейвский р-н – 7 сел, 3- русских (одно - повторно), 4 – украинских, первично. Ранее были обследованы в предполагаемой стилевой зоне выборочно Чернянский, Новооскольский, Яковлевский районы.
- ⁹ Семилукский район – 9 сел, все – русские, 1-повторно; Рамонский район – 12 сел, все – русские, первично.
- ¹⁰ Тербунский район – 15 сел, все – русские, первично; Елецкий район – 14 сел, все – русские, первично; а также села других районов, прилегающие к Воронежской области – 2, все – русские, первично.
- ¹¹ Обоянский р-н – 1 село, Беловский р-н – 3 села, все – русские, первично.
- ¹² Рыльский район – 9 сел, первично.
- ¹³ Богучарский район – 1 село, украинское, первично.
- ¹⁴ Цит. по кн. Русская мысль о музыкальном фольклоре. Составитель П.А. Вульфус. – М.,1979, с.115.
- ¹⁵ В.П. Загоровский. Воронежская историческая энциклопедия.- Воронеж: Истоки, 1992. С.191-192, 203.
- ¹⁶
- ¹⁷ Цыбин М.В. Юго-восточная окраина Руси во второй половине XIII-XIV в.в. (район Среднего Подонья //Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. – М, 1987, с.167-203.
- ¹⁸ (сообщила Ахаткина У. Т., 1914 г.р., с. Ивановка Семилукского р-на. Архив кабинета народной музыки ВГАИ, отчет № 95,с.10).
- ¹⁹ Сообщила Вахтина Н. Г., 1912 г.р. Архив КНМ... отчет 59,с.10.
- ²⁰ Сообщила Ловчикова МИ., 1925 г.р., с. Каменка. Архив КНМ ВГАИ, отчет 59,с.10.
- ²¹ Сообщили Даниловы М.В, 1939 г.р. и К.Ф., 1945 г.р., с.Новосильское. Архив КНМ ВГАИ, отчет 59, с.11.
- ²² Чистов К.В. Семейные обряды и фольклор //Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры.- М.: Наука, 1987.С.405.
- ²³ Там же, с.407.
- ²⁴ Сообщила Милина М.Т., 1911 г.р.. Архив КНМ ВГАИ, отчет 96, с. 19.
- ²⁵ Гринкова Н.П. Обряд «вождение русалки» в селе Б.Верейка Воронежской области // Журнал «Советская этнография», №1, 1947 г.
- ²⁶ см. о свадебных жанрах: Г.Сысоева. Музыкальный стиль мамонских свадебных песен // Свадебные песни верхнемамонского района. – Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, 1999.

